

Девятый год правления Цзянькан.

Час Дракона. На штурм!

Авангард уже выстроился клином, знамена полоскались на ветру, а клинки сверкали стальным блеском. Позади передовых отрядов тремя эшелонами расположились основные силы, а в самом центре возвышалась земляная насыпь генерала Вана. Этот десятиметровый холм был наспех насыпан саперами. На вершине, выстроившись в ряд, замерли на конях высшие офицеры. Вэй Чи, верхом на своем пегом коне, стоял рядом с Гэн Чжуцю, а Тан Хэ уже был отправлен на передовую. Вэй Чи не смыкал глаз двое суток, но стоило холодному утреннему ветру ударить в лицо, как всякая сонливость мгновенно испарилась. На поле боя царила жуткая тишина. Ван Юньи молчал. Как атаковать? Кто пойдет первым? Вэй Чи вдруг осознал, что не знает ровным счетом ничего.

С высоты насыпи открывался вид и на вражескую крепость, и на все поле боя. В отличие от затихшего поля, на стенах города творилось нечто неладное: люди суетились, время от времени выпуская редкие стрелы. Что они задумали? Вэй Чи снова почувствовал, как начинает болеть голова.

Наконец в небо взмыл снаряд. Оглушительный грохот разорвал тишину, и отряд конницы под предводительством Сюэ И двинулся к центру поля. Стоило защитникам крепости увидеть всадников, как на стенах воцарилась тишина, а стрельба прекратилась. Они поняли: впереди всех ведут их принцессу. Вэй Чи невольно выпрямился. Маленькая фигурка в белом одеянии, связанная и выделяющаяся на фоне темных всадников, выглядела пугающе ярко. Похоже, пришло время обмена пленными.

Только Вэй Чи хотел выдохнуть, как в памяти всплыли утренние слова Ван Юньи: Сегодня — штурм! Штурм! По спине Вэй Чи пробежал холодок, сердце сжалось от недоброго предчувствия.

На стенах города обстановка была накалена до предела. Гуюань Маэ уже двое суток не мог сомкнуть глаз. Столкнувшись с алчностью циских войск, он не находил способа спасти свою любимую дочь. Сдаться? Перед лицом бесстыдных и высокомерных послов Ци он не смел даже показать свой гнев, напротив, пришлось накормить их и отправить обратно. Негодяи! Не успели они перевести дух, как снова пошли на приступ!

Старший и младший сыновья рвались в бой, но если бы все решалось только силой! Он боялся, что цисцы в ярости... Ох, как же быть? Гуюань Маэ пребывал в нерешительности, а его приближенные и военачальники метались в тревоге. Лишь один человек сохранял спокойствие — комендант крепости Дадань. Его взгляд был прикован к черной массе вражеских солдат и их грозному снаряжению. Благодаря защите крепости и крутым склонам удержать Силин-Гол было нетрудно, но если опрометчиво бросить войска в поле... это могло закончиться катастрофой.

Два дня, кроме Даданя, который отчаянно пытался всех вразумить, почти все требовали

вылазки. Причина проста: абсурдные условия цисцев были неприемлемы, а в городе находилась одна из трех лучших конниц степи — Черные ветры. Что с того, что цисцы привели целую армию?

Гуюань Маэ был на пределе. Сражаться или нет? Как сражаться?

В момент наивысшего отчаяния грохот пушечного выстрела прервал его мысли.

Отряд кавалерии, конвоирующий его дочь, появился на поле боя. На стенах воцарилась тишина. Неужели они собираются...

Невозможно! По спине Гуюань Маэ потек холодный пот.

Всадники, ехавшие впереди, спешили недалеко от городских стен и принялись копать. Прошло совсем немного времени, и яма шириной в два метра была готова.

Яма? Вэй Чи вытянулся, пытаясь разгадать замысел.

Яма! Мир перед глазами Гуюань Маэ померк, он судорожно сжал кулаки.

Сюэ И холодно смотрел на пленницу, которая была еще совсем ребенком. Она опустила голову и молчала. Солдаты стащили ее с коня, но она не оказала никакого сопротивления.

— В яму! — махнул рукой Сюэ И.

Девочка не сопротивлялась, лишь упрямо оглядывалась, словно искала в рядах цисской армии кого-то конкретного, но в черной массе солдат никого не было.

— В яму! — взревел нетерпеливый Сюэ И. Солдаты, не смея медлить, схватили принцессу за волосы и толкнули вниз.

— А-а-а! — наконец закричала она, но ее голос был так слаб, что степной ветер мгновенно заглушил его. Ее попытки вырваться были бессильны против грубых рук воинов.

Гуюань Маэ, стоявший на стене, едва не лишился чувств. Он собственными глазами видел, как его дочь толкают в яму. Ее плач, словно стальные иглы, вонзался в его сердце.

Лопата за лопатой черная земля засыпала яму.

Живьем!

Вэй Чи вцепился в поводья, чтобы не упасть с лошади. Он не мог поверить... не мог поверить,

что они решили закопать ее заживо. Хотя до места было далеко, Вэй Чи казалось, что этот отчаянный крик звучит прямо у него в ушах, пробуждая в глубине души семена воспоминаний, которые он хотел забыть навсегда.

Яма была засыпана еще до того, как Гуюань Маэ потерял сознание.

Земля снова стала ровной, как будто ничего не произошло. Сюэ И проехал верхом по этому месту, сделал пару кругов и с презрением пустил стрелу в сторону знамен на крепостной стене.

Пх! Стрела пробила флаг, оставив в нем аккуратную дыру.

— А-а-а! — взревел Гуюань Маэ, охваченный горем и яростью. — Стрелять! Убейте этого сукиного сына!

В тот же миг со стен полетел град стрел. Но было поздно: Сюэ И уже спокойно отводил свой отряд с поля боя.

— Слава! Слава! — скандировали солдаты, приветствуя генерала Сюэ.

Увидев реакцию Гуюань Маэ, Ван Юньи слегка улыбнулся:

— Отрядам метателей — выстроиться! Атаковать! Остальным прикрывать тылы!

Метатели принялись забрасывать крепость камнями и железными болванками с пороховым зарядом. Защитники отвечали стрелами, но расстояние было слишком велико, чтобы нанести существенный урон.

Атака продолжалась до самого заката. Ван Юньи взглянул на медленно опускающееся солнце и тихо сказал Сюэ И:

— Отзывай войска в лагерь, пусть метатели поработают еще час.

Сюэ И кивнул:

— Советник Ду уже все подготовил, прикрытие обеспечено.

С наступлением ночи в степи стало холодно. Небо было затянуто тучами, луна то появлялась, то исчезала. В шатре Ван Юньи сидели двое: Вэй Чи и Сюй Юэ, старший советник генерала. Вэй Чи был гражданским чиновником, и Ван Юньи не доверял ему важных дел. Сюй Юэ, служивший прежде в Хунлусы, прекрасно знал обычаи и географию Монани, бегло говорил на местном языке. Хотя он тоже был из чиновников, но много лет назад примкнул к армии Ван Юньи. Пока все были заняты подготовкой к бою, они двое оказались свободны.

Люди с ученым прошлым любили поговорить о государственных экзаменах, о званиях и Академии Ханьлинь. Хотя Вэй Чи был обладателем титула таньхуа, перед Сюй Юэ, ставшим цзиньши еще в двадцать третьем году правления Хуньу, ему следовало соблюдать почтительность. Старший и младший обменивались ничего не значащими фразами. Сюй Юэ давно сомневался в происхождении Вэй Чи. По его мнению, быть в Академии лучше, чем мерзнуть в пустыне. Даже без учета блестящей карьеры, через двадцать лет Вэй Чи мог бы стать важным чиновником второго ранга. Зачем рисковать жизнью здесь? Сюй Юэ не верил, что за Вэй Чи никто не стоит. Принц Янь, конечно, был безрассуден, но не настолько, чтобы трогать столичных чиновников. Да и согласился бы сам Вэй Чи? Тут крылась какая-то тайна. Вспоминая сложные отношения принца Яня и принца Циня, Сюй Юэ чувствовал, как по спине бегут мурашки. Впрочем, это дела империи Чэнь, а ему лучше заниматься своим делом.

— Шаоху еще не закончил? — спросил Сюй Юэ, которому просто хотелось поболтать.

— Господин Сюй, я сегодня неважно себя чувствую, работаю медленно. Поднялся ночной ветер, вам лучше вернуться в свой шатер и отдохнуть.

Сюй Юэ присмотрелся к бледному лицу Вэй Чи:

— И правда, вид у вас нездоровый! Много ли дел, которые нельзя отложить? Здоровье важнее, идите отдыхать.

Вэй Чи хотел отказаться, но сил действительно не было:

— Просто не выспался за последние дни... Прошу прощения, что заставил вас видеть это.

— Здесь не столица, лечиться трудно. Идите отдыхать.

Вэй Чи, поблагодарив Сюй Юэ, вышел из шатра. Холодный ветер заставил его вздрогнуть. Он украдкой взглянул на далекую крепость: белый силуэт словно парил в ночном небе. Дочь богатого дома — и такая судьба... Непостоянство мира? Но в душе у него было нечто большее, чем просто печаль о бренности бытия.

Вернувшись в свой шатер, он отослал Чэнь Ху и почувствовал, как веки наливаются тяжестью. Однако стоило лечь, как разболелась голова. Ворочаясь, Вэй Чи привычно обхватил себя руками. Учитель запрещал так спать, говоря, что будут кошмары, но Вэй Чи всегда так делал, когда не мог уснуть — так было теплее. Вспоминая учителя, он наконец провалился в сон.

В полузабытьи он снова оказался в детстве. Какой сильный шел снег, как выл северный ветер в бумажных окнах полуразрушенного храма! Он сидел у очага, наблюдая, как учитель раздувает огонь, и аромат пшенной каши наполнял воздух. Огонь освещал лицо учителя, и тот, протянув руку, стер сопли с лица Вэй Чи.

— Ложись, ложись, зарывайся в одеяло! — учитель улыбался, и морщинки на его лице становились глубокими.

Вэй Чи поспешно скинул обувь и нырнул под одеяло. Хотя оно было холодным, он не боялся — скоро каша будет готова, и после еды станет тепло.

Наконец кашу подали к столу. Но не успел он сделать глоток, как снизу донесся грохот пушек.

— Бандиты! Шань-эр, беги! — закричал учитель, забыв про еду.

Вэй Чи, испугавшись, схватил учителя за руку, и они бросились через заднюю дверь. Снега было по колено, учитель тащил его в сторону леса. Казалось, звуки погони не стихают. От страха знакомые горы стали чужими, сухие ветки царапали лицо. В ледяной пустыне они пробирались вглубь леса. Учитель вдруг остановился у большого дерева и прошептал:

— Медвежья берлога.

Медведь! Вэй Чи задрожал. Но учитель не испугался. Устроив Вэй Чи, он, шатаясь, подошел к входу в пещеру. Старик сел у большого камня и с помощью посоха осторожно забросил внутрь горящую бересту. Раз, два... Вэй Чи вспотел от ужаса. Третий кусок полетел в темноту.

Запах паленой шерсти ударил в нос, из пещеры донеслось рычание. Вдруг огромная черная тень выпрыгнула из дыры и скрылась в чаще. Когда все стихло, учитель на ощупь повел испуганного Вэй Чи к берлоге.

— Давай, Шань-эр, залезай первым.

Вэй Чи отшатнулся — он знал, что медведь опасен, охотнику Чжану зверь разодрал пол-лица.

Учитель наклонился и погладил его по голове:

— Не бойся, медведи не едят монахов. Останешься на морозе — либо бандиты найдут, либо замерзнешь. Слушайся.

Вэй Чи проскользнул в берлогу. Там было тепло, пахло зверем и жеваной травой. Учитель залез следом и заткнул вход своим ватником. В тесноте Вэй Чи привык к темноте и испуганно оглядывался, боясь, что из углов что-то вылезет. Учитель обнял его:

— Не бойся, не бойся... — Его руки были холодными, но дарили бесконечное утешение. Вэй Чи обхватил себя руками и, вспоминая ту единственную ложку каши, заснул.

Во сне он снова парил, вернувшись к храму у деревни. Почему там столько людей? Впереди стоял Чэнь, известный в городе своей сыновней почтительностью. В траурной повязке, с гневным лицом, он тащил женщину.

— Это она! Она погубила моего отца! — крикнул он, и толпа отозвалась яростным воплем.

Родственники Чэня набросились на женщину, пиная ее, как насекомое. В толпе слышались одобрительные возгласы: проклятая, наложница, погубившая главу дома, заслужила смерть!

Женщина не кричала, не сопротивлялась. Вэй Чи подумал: неужели те, кого хоронят заживо, всегда так себя ведут? Слишком устали, слишком много страданий. Ее муж — Чэнь — удовлетворенно наблюдал, как его родные вымещают гнев, а затем сам потащил наложницу к заранее вырытой яме. Женщина подняла голову, и Вэй Чи встретился с ее пустыми глазами. Они напоминали два уголька, от которых веяло холодом. Вэй Чи отступил, а односельчане закричали:

— Проклятая! Еще смеешь смотреть на ученого Вэя? Кто ты такая, хочешь погубить и его?

— Нет! Нет! — женщина, словно обезумев, вырвалась и бросилась к Вэй Чи. — Вас всех обманули! Она тоже женщина! Никакой она не ученый! Она женщина! Женщина!

Она крепко обняла Вэй Чи, и ее невозможно было оторвать. Она кричала, а Вэй Чи увидел, что ее серая одежда превратилась в белую шкуру. Взгляд тот же, лицо другое, а уголки губ... улыбаются. В это мгновение Вэй Чи потянули в яму. Он хотел кричать — не мог, хотел бежать — не мог. Белый мех превратился в множество рук, которые развязали его волосы, сорвали одежду. Маленькие белые ладони обхватили его лицо:

— Смотри, ты ведь женщина.

— Она женщина! Закопать ее! Закопать! — донеслось сверху. Черная земля хлынула вниз.

Нет! Я не такая! Я не такая! Вэй Чи хотел кричать, но мог лишь смотреть на это нежное улыбающееся лицо, пока земля не разделила их навсегда.

Учитель! Учитель! — Вэй Чи протянул руки, но схватил пустоту...

Открыв глаза, он понял, что лежит в своем шатре. Утро. Это был сон... Вэй Чи вытер холодный пот и сел. Станный сон, такой реалистичный. История с семьей Чэнь произошла много лет назад, но тогда женщину закопали в свиной шкуре, и Вэй Чи ее даже не видел. Как он мог смешать ее с принцессой из Монани? Вспомнив учителя, он почувствовал горечь. Интересно, что бы тот сказал, увидев его сейчас?

Посидев на кровати, он медленно начал собираться. Только надел обувь, как услышал голос Чэнь Ху:

— Советник Вэй еще спит, генерал Ду, подождите, пожалуйста.

Чэнь Ху был простым человеком. Чего Вэй Чи не разрешал, того он никогда не делал. Другие офицеры помогали своим командирам умываться, но Вэй Чи отказался, и Чэнь Ху не настаивал — он просто ставил воду и ждал у входа. У Чэнь Ху были свои мысли: что такое Академия Ханьлинь? Там живут небожители. А Вэй Чи — таньхуа, отобранный самим императором.

Образованные люди не чета таким грубиянам, как он. Если господин отказался, значит, так надо.

Служить такому человеку — счастье, выпавшее из прошлой жизни, поэтому он должен быть верен долгу. Раз он не может войти, значит, никто не войдет! Даже генерал Ду пусть подождет снаружи.

Ду Лан не хотел препираться с младшим офицером и просто заорал в шатер:

— Советник Вэй, выходи! Сколько можно спать!

Вэй Чи поспешно привел себя в порядок и пригласил шумного Ду Лана.

Ду Лан, войдя, таинственно прошептал:

— Хе-хе, как спалось, брат Вэй? Слышал что-нибудь?

Вэй Чи покачал головой. Он спал так крепко, что ничего не слышал.

— Ты что, как свинья спал? Такой шум был! Прошлой ночью Черные ветры Гуюань Маэ напали на лагерь, и мы их разнесли в щепки! Даже его младшего сына подорвали!

Подорвали? Вэй Чи действительно ничего не слышал:

— Кто это сделал?

Ду Лан усмехнулся:

— Я сам узнал только после боя. Это не люди, это советник Ду заложил мины! Здорово, правда? Без единой потери разнесли этих ублюдков в клочья.

Мины... Нападение...

Похоже, генерал Ван и не собирался менять принцессу на что-то полезное. Он просто использовал ее жизнь, чтобы выманить Гуюань Маэ... Жизнь — дешевая вещь. Вэй Чи горько усмехнулся.

— Почему ты такой бледный? — присмотрелся Ду Лан.

— Ничего, просто устал за последние дни, — ответил Вэй Чи.

— Это верно. Отдыхай, шторм близится к развязке, наберись сил, а то пропустишь самое интересное, и мне некому будет рассказывать байки.

— Если я не буду тебя слушать, ты лопнешь от нерастраченного красноречия, — подшутил Вэй Чи. — Я знаю, отдохну — и все пройдет.

Видя, что Вэй Чи все еще нездоровится, Ду Лан не стал задерживаться и ушел. Глядя ему вслед, Вэй Чи почувствовал тоску. Еще одна невинная жизнь оборвалась, и, кажется, кроме него, никто не чувствовал боли. Даже Ду Лан вдруг показался чужим. Горький привкус снова наполнился во рту. Если он вернется в деревню Чэнь, может, даже сам Чэнь уже не вспомнит ту несчастную женщину?

<http://bllate.org/book/21780/2252230>